

Международная конференция  
**«Политическая полиция и советская система:  
рассекреченные архивы КГБ стран бывшего СССР»<sup>1</sup>**

*(15—20 апреля 2020 года)*

15—20 апреля 2020 года под началом Джорджтаунского университета (Вашингтон, США) прошла научная конференция, организованная при содействии Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES), Фонда исследований ГУЛАГа им. Жака Росси, Института Дж. Кеннана при Международном научном центре им. Вудро Вильсона и Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий (НИУ ВШЭ). Главным организатором мероприятия выступил академический руководитель центра и профессор Джорджтаунского университета, специалист по российской истории поздней имперского и советского периодов Майкл Дэвид-Фокс.

В фокусе внимания конференции оказались вопросы о том, как влияет на наши представления о советской системе, ее работе, структуре и в целом роли в мировом сообществе введение в широкое исследовательское поле новых источников из прежде недоступных архивов КГБ бывших советских республик (а также некоторых архивов стран Восточной Европы); каким образом новая информация встраивается в уже существующие представления о советской системе, где наименее изученным (но крайне значимым) действующим лицом являлись как раз органы госбезопасности.

В процессе работы с архивами стало очевидным, что речь идет не просто о необходимости открытия новых материалов, в продолжение начатых «архивной революцией» 1990-х годов публикаций недоступных ранее документов, но и о значении, роли фигуры посредника — ученого, который вводит эти материалы в широкий академический контекст. Отчасти одной из задач конференции было вдохновить исследователей на более активную интеграцию открытых источников в исследовательские практики. Не менее важным смыслом конференции оказалась и возможность приоткрыть завесу исследовательской кухни в работе с архивами, обсудив такие вопросы, как: этика работы с документами (сохранение отстраненной исследовательской позиции по отношению к текстам допросов и к признаниям обвиняемых, которые зачастую были вынужденными; проблема работы с досье, где отбор материала напрямую зависел от личности и интересов следователя; внимание к материальности документа, сохраняющего следы насилия); проблема фрагментарности материалов (разная степень доступности архивов в целом и отдельных документов в частности, диктующая выбор источников, их хронологию и географию); сложность работы с уже сформированным категориальным аппаратом как внутри современной институции архива, так и в рамках архивов НКВД/КГБ с присущими им и не всегда очевидными парадигмами формирования и по-

---

1 Конференция, масштабная подготовка которой началась за год до предполагаемой даты встречи, была задумана как крупное международное событие с очными сессиями в стенах университета. Однако в связи с ограничениями, вызванными распространением коронавируса, организаторы приняли решение перенести заседания в онлайн-формат. Запись конференции доступна на сайте ASEEES: [https://www.aseees.org/news-events/other-conferences/virtualconference-political-police?fbclid=IwAR08f7yV1qMQd9bDTcTvPl6OKrRfx4NwYGLaJAOZ2ydirXTX2\\_NNHuavHis](https://www.aseees.org/news-events/other-conferences/virtualconference-political-police?fbclid=IwAR08f7yV1qMQd9bDTcTvPl6OKrRfx4NwYGLaJAOZ2ydirXTX2_NNHuavHis) (дата обращения: 16.03.2021).

иска; проблема избыточности материала; важность установления связей между архивными документами и устной историей. На протяжении всех заседаний прослеживалась разница в выборе методологии, в том числе в алгоритмах поисков внутри архивного пространства, в выборе тех или иных интерпретационных стратегий и сочетаний источников.

Первый вебинар, носивший название «Культура, нонконформизм, нормативность» (модератор и комментатор — Майкл Дэвид-Фокс) начался с доклада *Анджелины Лусенто* (НИУ ВШЭ) «*НКВД и политические истоки соцреализма: случай преследования бойчукистов в Украине*». Героями доклада стала группа украинских художников, носивших название «бойчукисты» (в честь идейного руководителя — Михайло Бойчука (1882—1937)), реализовавших к 1930-м годам один из самых влиятельных и успешных художественных проектов на территории Советской Украины. Опираясь в первую очередь на материалы расследования из архива киевского НКВД, Лусенто постаралась выявить роль секретной полиции в процессе формирования визуального канона социалистического реализма. Лусенто сопоставила два корпуса документов — наблюдения и свидетельства информаторов, собранные НКВД в 1931 году о лидерах художественной группы — Михайло Бойчуке, Василе Седляре и Иване Падалке, указывающие на их антисоветские настроения и сильный уклон в украинский национализм, а также материалы допросов самих бойчукистов 1936—1937 годов, собранные после их ареста.

В 1920—1930-е годы, независимо от московского художественного сообщества, бойчукисты отстаивали возможность локального определения искусства и интегрировали украинские формы (обращаясь прежде всего к изучению монументальных произведений — фресок, мозаики) в образы советского реалистического канона. Докладчица отметила, что при ведении допросов особое внимание сотрудники НКВД проявляли как раз к «национальному характеру творчества бойчукистов... сознательно отвлекающему зрителей от строительства социализма». Характерно, что к обвинениям 1931 года в антисоветских настроениях в 1936—1937 годах добавилось также обвинение в «антирусской» направленности работ группы. Анализируя дискурсивные формулировки следователей и признаний допрашиваемых, Лусенто обозначила сдвиг политического акцента в отношении визуального искусства: стиль бойчукистов с выделением украинской составляющей виделся угрозой стабильности советского строя, централизованному государству и «всей русской культуре». При этом докладчица отметила, что период смены политических доктрин в визуальном искусстве Советской Украины не означал обязательного вытеснения русской идентичности, но, прежде всего, привел к уходу от украинских национальных форм в пользу обобщенных образов советских людей, советской героики, став «пустым» по форме и социалистическим по содержанию.

В следующем докладе, «*Разжигание и поддержание конфликтов: пример Таллинской государственной консерватории*», *Айги Рахи Тамм* (Университет Тарту, Эстония) обратилась к документам из архивов НКВД и Таллинской государственной консерватории, с тем чтобы на примере судеб репрессированных музыкантов проследить механизмы советизации — нормативных практик, которые с помощью секретной полиции встраивались (в данном случае) в эстонское общество и непосредственно влияли на взаимоотношения между людьми. Основное внимание докладчицы было сосредоточено на ключевом понятии этого процесса — общественном «конflikте» и на способах его разжигания и поддержания в течение максимально длительного периода. Наибольшую роль в производстве нормативных стратегий поведения и дестабилизации общественной атмосферы сыграл лозунг о критике и самокритике как большевистском способе воспитания советского человека.

Механизмы *стигматизации* (критики и самокритики) и *травматизации* (применения репрессий) — результаты влияния работы секретных служб на общество — имели долгосрочный эффект и заключались в том, что возвращенные после заключения попадали в обстановку недоверия и игнорирования. Политика же усложнения реадaptации бывших осужденных к привычной жизни приводила к тому, что процесс подачи на реабилитацию затягивался на долгие годы и сопровождался длительными дознаниями окружающих о личности заключенного. Все это соответствовало, как отметила докладчица, тактике разобщения населения и поддержания конфликтов с целью повышения социального контроля. Нестабильность взаимоотношений, поддерживаемая секретными органами, лишала уверенности и делала уязвимыми не только бывших осужденных, но и обычных граждан. Однако докладчица выразила сомнение в том, что секретной полиции действительно удалось избавиться от «неудобного» прошлого советских граждан, и вопрос об успешности советизации конкретных людей (а не масс в целом) остается открытым.

В комментарии к докладу Майкл Дэвид-Фокс указал на возможную эффективность представления советизации Эстонии не как однонаправленного процесса, но как ряда прерывностей и сопутствующих им особых периодов в работе секретной полиции, каждый из которых подразумевал свой способ и свои задачи прочтения одних и тех же материалов, собранных на более раннем этапе (как это было продемонстрировано в докладе Анджелины Лусенто). Также Дэвид-Фокс указал на классический труд Яна Гросса (Jan Gross. *Revolution from abroad*. Princeton University Press, 2002), где вместо понятия «социальный контроль», используемого Рахи Тамм в докладе и задающего определенную тоталитарную рамку (наличие масштабного плана, реализуемого сверху), предлагается понятие «приватизации власти» — делегирования агентности на уровень отдельных индивидов (докладчица согласилась, что такого генерального плана у советских властей не было).

Следующий докладчик — Томас Снигон (Лундский университет, Швеция) в качестве журналиста в 1993—1996 годах лично интервьюировал председателя КГБ (с 1961 по 1967 год) Владимира Семичастного. Сопоставляя интервью и доступные архивы КГБ, Снигон в докладе «*В поисках истоков советского диссидентства в эпоху КГБ под руководством Владимира Семичастного*» показал, что представление о соотношении сил, где режим консервативен и лишь отвечает на сопротивление, а диссиденты наделяются исключительно активной ролью, достаточно спорно в свете вновь открытых документов. Докладчик проследил преемственность между поздним брежневским и ранним хрущевским периодами и созданием Пятого управления, относя причины этого события еще к концу 1950-х годов — ко времени введения политики профилактики. При этом Снигон охарактеризовал профилактику как новую форму психологического давления и даже террора, по той причине, что она подразумевала применение санкций не к реальным преступникам, а к потенциальным. Кроме того, профилактика отразила и новые отношения между обществом и секретными службами, где именно КГБ, а не комсомольская организация был ответствен за проведение профилактических мер.

Если до 1962 года основными объектами внимания КГБ были религиозные группы и «националисты», то в 1963 году, как можно видеть из приказов Семичастного, под подозрением оказалась и интеллигенция. Спустя несколько лет это изменение отношения КГБ к культурным деятелям («антисоветским элементам», «инакомыслящим») стало видимым, хотя еще и не обрело своего «официального» наименования (название «диссиденты» появляется после того, как западные масс-медиа начинают освещать активную деятельность оппонентов брежневского режима). Анализируя документы, Снигон обнаружил, что выявление и выделение

интеллектуальной элиты в качестве опасной категории для общества произошло за некоторое время до появления «диссидентов», что позволило докладчику сделать вывод об активном вкладе самого КГБ под руководством Семичастного в создание этой «новой» группы, потенциально опасной для системы. Позже именно эта группа стала более активно и координированно выступать против режима.

В заключение секции Майкл Дэвид-Фокс озвучил ключевой вопрос дискуссии — какова была роль НКВД/КГБ в широком поле партийной экосистемы культурной политики? Все три доклада показали, что секретная полиция принимала участие как в политических, социальных процессах, так и в оформлении эстетических представлений в культуре (науке, академическом поле), являясь не только проводником политики насилия и репрессии, но и революционизации морали, изменения доминирующих повседневных практик, стандартов поведения, представлений о нормальном. Кроме того, возник вопрос о месте НКВД/КГБ в трехчастной системе «партия — секретная полиция — государство» (доклад Т. Снигона показал, что КГБ позиционировал себя отдельно от партии и мог развивать собственные стратегии работы, отличные от партийных) и о роли личности следователя в работе секретных органов (как влияют биография, интересы, образование следователя на ход следствия?). Анджелина Лусенто допустила, что уровень образования, кругозор, эстетические предпочтения следователя вполне могли отличаться от распространенного представления о типичном сотруднике НКВД/КГБ и попытка переосмыслить его личность важна для прояснения понимания роли КГБ в изменении норм в политике и культуре.

Именно такое внимание к индивидуальным биографиям, профессиональным траекториям и социальным связям сотрудников НКВД продемонстрировали *Тимоти Блаувельт* (Государственный университет Ильи, Грузия) и *Давит Джишкарини* (Центр социальной справедливости, Грузия). Их докладом «*Сталинские палачи в контексте: случай следователей грузинского НКВД Хазана, Савицкого и Крымяна*» открылся второй вебинар конференции, озаглавленный «Как попали в ГУЛАГ и как его покидали» (комментатор — Синтия Хупер (Колледж Святого Креста, США)). В 1955 году А. Хазан, К. Савицкий и Н. Крымян были осуждены и расстреляны как сообщники Берии, и материалы следствия над ними стали важным источником, позволяющим увидеть репрессии 1937—1938 годов глазами их непосредственных и наиболее активных участников. Блаувельт и Джишкарини показали, что все трое были этническими чужаками, не уроженцами Тбилиси, и их социальный капитал полностью зависел от профессиональных связей. Командный дух грузинского НКВД укреплялся совместными тренировками и футбольными матчами — показательно, что Савицкий и Крымян выступали за тбилисский «Динамо». Соревновательность и «спортивный» азарт характеризовали и их участие в репрессиях, как по количественным показателям, так и по жестокости в отношении обвиняемых и осужденных. Желание отличиться, возможно, дополнительно подпитывалось компрометирующими обстоятельствами в биографии самих следователей: знакомые-троцкисты у Хазана, родственники-белогвардейцы у Савицкого. Наконец, докладчики не исключили искренней веры этих сотрудников НКВД в то, что они борются с врагами народа, против которых все средства хороши. Подобная уверенность в собственной правоте и непогрешимости угадывается в том, что Хазан (под псевдонимом Александров) выпустил в 1948 году брошюру «О моральном облике советского человека».

В следующем докладе секции мотивация функционеров репрессивной системы рассматривалась в категориях статистики и экономической логики. *Михаил Наконечный* (Оксфордский университет, Великобритания) в своем выступлении, озаглавленном «*Мертвые души*»: смертность, инвалидность и досрочное освобождение

дение из ГУЛАГа по медицинским показаниям, 1930—1955», обратился к практике активирования, позволявшей занижать показатели смертности в лагерях. Поскольку ГУЛАГ должен был функционировать как экономическое предприятие, высокая смертность плохо смотрелась бы в официальных отчетах. Кроме того, нерациональным считалось расходовать бюджетные средства на уход за неизлечимо больными и крайне изможденными заключенными, которые больше не могли работать. Поэтому распространено было досрочное освобождение по медицинским показаниям. В начале 1943 года начальник ГУЛАГа Виктор Наседкин направил всем руководителям лагерей распоряжение, согласно которому умерших в лагере после освобождения следовало учитывать отдельно и не включать в отчеты о «медицинской помощи заключенным». Михаилу Наконечному удалось обнаружить в архивах документы, фиксировавшие эти показатели для ряда лагерей в 1943—1944 годах. Выяснилось, что эта мера позволяла снизить лагерную смертность на 20% (в случае Каргопольлага доля неучтенных смертей оказалась еще выше — 23%). Эти данные легли в основу трехуровневой системы пересчета погибших в ГУЛАГе, которую предложил исследователь. Два других уровня призваны скорректировать показатели лагерной смертности за счет добавления тех активированных, кто погиб по дороге домой и в первые дни по возвращении из лагеря. В результате относительно низкие цифры официальной статистики, которые получили известность после частичного открытия архивов ГУЛАГа в 1989 году, уступают место значительно более мрачной картине.

В докладе *Шерзода Муминова* (Университет Восточной Англии, Великобритания) «*Транснациональный ГУЛАГ: Жак Росси, Утимура Госуке и изучение “гулаговцев всех стран” по мемуарам и архивным документам, 1937—1956*» сталинские лагеря, напротив, предстали едва ли не курортом. Стремясь показать, что ГУЛАГ был внутренне неоднородным миром, исследователь обратился к опыту иностранных узников, которые в разные годы, разными путями оказались в советских лагерях. Чтобы дать представление о разнообразии этих траекторий, в докладе Муминов сосредоточился на фигурах Жака Росси, польско-французского коммуниста, деятеля Коминтерна, арестованного, как и многие другие участники этой организации, в 1937 году, и японского военнопленного Найто Мисао (который впоследствии стал известным на своей родине писателем и критиком, работавшим под псевдонимом Утимура Госуке). Оба героя доклада оставили богатое мемуарное наследие, в котором центральное место занимает история их знакомства и дружбы, продлившейся до конца жизни. В изложении Шерзода Муминова эта история напоминала приключенческий роман с порой невероятными поворотами сюжета: так, когда друзья оказались разлучены при переводе из Александровского центра во Владимирский, достаточно было попросить начальство, и их снова поместили в одну камеру. Оптимистическим итогом рассуждений докладчика была мысль о том, что незапланированным результатом сталинских репрессий и системы трудовых лагерей могла стать крепкая интернациональная дружба между иностранными узниками ГУЛАГа.

В своем комментарии Синтия Хупер подвергла сомнению достоверность этой идиллической картины. Наряду с такими известными свидетельствами о ГУЛАГе, как «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, где говорится о том, что единственная доступная заключенным эмоция — это злость, а дружба в лагере практически невозможна (разве что в лазарете), Хупер указала на наблюдения социологов, согласно которым бывшие узники ГУЛАГа, встречавшиеся в 1990-е годы, едва могли общаться друг с другом в рамках обычной бытовой вежливости, не говоря уже о том, чтобы договориться о формах коммеморации их трагического опыта. Эта сторона жизни в ГУЛАГе, связанная с разобщением и взаимной ненавистью

жертв, если и находит отражение в исследовании Шерзода Муминова, то лишь как полюс отталкивания, негативный «советский» фон, на котором лишь ярче проступает благородство и бескорыстие иностранных заключенных — картина, которая сама по себе является этически проблематичной.

Третий вебинар «Определяя врагов: наблюдение, классификация и информация» (модератор и комментатор — Дэвид Бранденбергер (Ричмондский университет, США)) начался с доклада *Кристины Ватулеску* (Нью-Йоркский университет) «*Полицейский портрет (the Mug shot) и крупный план (the Close up): визуальная идентификация в фото- и видеосъемке секретной полиции*». Докладчица обратилась к визуальным практикам в работе секретной полиции и подчеркнула, что визуальный компонент полицейских архивов (в том числе вопрос соотношения текстов и визуальных медиа) долгое время игнорировался исследователями, а методы и подходы для его изучения и включения в круг источников формируются только сейчас. Сделав акцент на сложности переплетения криминалистических и фото- и киновизуальных стратегий, Ватулеску рассмотрела интересный случай кинематографической постановки следственного эксперимента, ставшей результатом совместной работы румынской полиции и местной профессиональной документальной киностудии («*Reenactment*», 1960; режиссер Virgil Calotescu). Шестеро подозреваемых в ограблении государственного банка в 1959 году были приговорены к смертной казни, но перед приведением ее в исполнение сыграли главные роли в этой картине. Фильм был представлен как киноадаптация материалов из архива полиции. Докладчица поставила под вопрос непроблематичность такой трактовки и на основании сравнения 27 томов из архива полиции, нескольких черновых версий сценария, двух томов с кадрами съемки фильма, а также кадров самого фильма постаралась разграничить текстуальные материалы и их визуальную интерпретацию, с одной стороны, и логику судебного и киновысказывания — с другой. В фильме прослеживается не только характерный нарратив полицейского расследования, но и собственная визуальная драма, порожденная особыми характеристиками камеры и, как было отмечено в комментариях к докладу, сочетанием документальной съемки судебного процесса и популярными в то время приемами жанра нуар, что позволило облечь следственный эксперимент в форму зрелищного гангстерского боевика. Тема идентификации (масок и демистификаций), с одной стороны, показана в фильме как нечто хорошо знакомое (маскировка преступников с помощью темных очков, фальшивых усов и других атрибутов), а с другой — раскрывается через специфически кинематографические приемы, которые также помогают (на этот раз зрителям) обнаруживать замаскированных преступников (крупный план как разоблачение; размытие изображения, свет и тень как маска). В конечном итоге фильм был лишь однажды показан партийным членам и больше в прокате не появлялся. Сотрудничество полицейских и массового кинематографа породило интересный и неоднозначный эффект — публика ассоциировала себя с «плохими» героями фильма.

*Татьяна Ваграменко* (Ирландский национальный университет в Корке) продолжила тему роли полицейской фотографии в рамках репрессивной системы, представив доклад «*Фотография и кино советской секретной полиции: религия под наблюдением в Советской Украине*». Ваграменко рассмотрела фотографию как элемент технологии власти — индикатор присутствия дисциплинарного механизма, растворенного в обществе. Объектами исследования выступили снимки из архива украинского КГБ — материалы о преследовании религиозных деятелей 1930—1950-х годов, подозреваемых в участии в контрреволюционных монархических организациях. В подтверждение тезиса о том, что язык фотографии подвержен реинструментализации, докладчица продемонстрировала случаи намеренной ма-

нипуляции с собранными в делах изображениями (указывая на признаки монтажа, наличие коллажности, ретуши следов насилия над подсудимыми, практики составления полицейских альбомов, создающих контекст для отдельных снимков). Ваграменко показала, как, выступая в качестве участника процесса производства и поддержания режима правды (в данном случае неоспоримых свидетельств в материалах дел), фотография в архиве секретной полиции служила также тем медиатором, который играл особую роль в создании обобщенного социального типа, образа врага (чему способствовала идея разоблачения политических преступников, скрывающихся под маской религии). Также исследовательница показала, что в качестве визуальных доказательств в делах архива секретных служб использовались постановочные кадры, выполненные при подготовке агитационных фильмов (со специальным искусственным освещением, требованиями к высокому качеству съемки, режиссерскими акцентами — фокусировкой и наведением камеры на «значимые» объекты).

Третий доклад в секции «*Кибернетика и слежка: Секретная полиция входит в компьютерную эру*» представил Джошуа Сэнборн (Лафайет-колледж, США). Доклад является небольшой частью исследования, в котором Сэнборн прослеживает пересечения между профессиональными сообществами (секретной полиции, науки) и сферой социального воображаемого — литературными жанрами — научной фантастики и шпионского детектива в СССР и США в период холодной войны. Пытаясь представить себе, как могла выглядеть наука этого времени, Сэнборн обратился к понятию кибернетики и к вопросу о ее роли в работе советских и американских спецслужб. Основной фокус исследования был направлен на поиск сдвига в «информационной архитектуре» (принципах систематизации информации и навигации по ней) в работе КГБ, а именно — смены отношения к компьютеру как к более удобному способу хранения информации (архивная стратегия, подразумевающая компьютеризацию с сохранением прежних задач) на отношение к компьютеру как инструменту анализа и интеллектуального сбора сведений (аналитическая стратегия, подразумевающая развитие кибернетики как кардинальной переоценки методов работы с информацией и как решения ряда новых задач — например, разработки камер с искусственным интеллектом). Несмотря на то что руководство секретных служб периода холодной войны (наряду с интуициями научной фантастики того времени) достаточно рано увидело преимущество инвестиций в кибернетику, в действительности (и об этом свидетельствуют архивные документы) КГБ сильно запаздывал в применении новых технологий по причине ошибок в работе рядовых сотрудников, недоверия оперативных работников к информационным аналитикам, страхов при работе с машинами. В результате с конца 1960-х и вплоть до 1980-х годов КГБ главным образом занимался механическим переходом с карточных баз данных на цифровые. Новая эра работы спецслужб с информацией началась примерно с середины 1980-х годов, когда в сферу внимания кибернетики попали проблемы взаимоотношений между информацией и властью, человеком и машиной, что в конечном итоге привело к возможности подчинения человека командам компьютера и пониманию того, что компьютер способен замечать недоступное человеческому глазу (период с 1990-х и до сих пор Сэнборн охарактеризовал как эпоху «кибернетического контроля»).

Доклад Эдварда Кона (Гринеллский колледж, США) «*Рецидивизм, профилактика и КГБ*» был посвящен профилактической работе КГБ в Литве в 1960—1970-е годы. Несмотря на то что КГБ представлял профилактические беседы как наиболее гуманное, эффективное и успешное мероприятие, докладчик продемонстрировал на обширном материале архивных источников, что профилактика была далеко не столь действенным средством изменения поведения и мировоззрения

отдельных граждан, каким его видели сама служба госбезопасности или западные историки. Профилактика проводилась по единой модели в масштабах всего Советского Союза, и инструкции исходили из Москвы во все республики. Две категории граждан фигурировали в качестве объектов профилактики: диссиденты и люди, которые имели какие-либо контакты за границей по роду своей деятельности (например, моряки). Кон показал, что профилактика производила, как правило, лишь краткосрочный эффект и не меняла в действительности ни целей, ни поведения индивидов, что подтверждается высоким уровнем рецидивизма среди прошедших профилактические беседы (при этом докладчик привел в пример дела, которые не были учтены в официальной статистике КГБ). Причины ошибочных выводов о результативности профилактики Кон видит среди прочего в процессуальном характере ведения дел: с одной стороны, оценка эффективности производилась по отчетам служебных лиц, которые, в свою очередь, часто формулировались типовыми фразами и содержали схожие выводы независимо от содержания дел. С другой стороны, отчеты либо сильно запаздывали (от нескольких месяцев до полугода), либо, наоборот, содержали слишком поспешные выводы и оформлялись как успешные уже на следующий день. Несмотря на то что безусловный плюс профилактических бесед заключался для власти в их экономичности относительно более радикальных мер наказания, докладчик отметил их бесполезность в случае попыток воздействия на политические или религиозные убеждения.

В завершение секции модератор Дэвид Бранденбергер обозначил следующие ключевые вопросы дискуссии: насколько репрезентативным является опыт бывших советских республик (Грузии, Прибалтики, Украины) и Восточной Европы (Румынии)? Можно ли говорить о существовании единой культуры КГБ на всей территории СССР и пытаться обобщить опыт этой организации? Или же советские республики и Восточная Европа являют собой примеры особой культуры, где реализовывались отдельные, относительно независимые полицейские практики? В конечном итоге все эти вопросы отсылают к размышлениям о природе полицейского государства в целом и СССР в частности. А именно — было ли СССР примером хорошо организованного полицейского государства, постмодернистским паноптиконом или просто пародией на наши представления о полицейском государстве?

Четвертый вебинар «Органы госбезопасности как институт: история организаций и их внутренние практики» (комментатор — Линн Виола (Университет Торонто, Канада)) начался с доклада Марка Юнге (Эрлангенский университет, Германия) «За рамками законодательства: возникновение специфического советского органа внесудебной репрессии и Большой террор». Докладчик рассмотрел создание Особого совещания при НКВД СССР и то значение, которое имела эта мера для массовых репрессий 1930-х годов. Учреждение этого органа фактически означало упразднение принципа разделения властей, так как Особое совещание объединяло в себе функции исполнительной и судебной ветвей власти при очевидном главенстве первой из них над второй. Практика административной высылки «социально опасных лиц» существовала с 1922 года, вскоре к этому добавилась возможность их заключения в концлагеря во внесудебном порядке. Юнге отметил даже случаи внесудебных смертных приговоров за каннибализм во время голода 1933 года — вопреки распространенному мнению, что расстрел без суда и следствия начал применяться лишь во время Второй мировой войны. Создание Особого совещания в 1934 году означало, что из исключительной меры, бессистемно применяемой органами безопасности, внесудебные разбирательства и приговоры превратились в обычную практику, поставленную на бюрократические рельсы и имеющую собственный бюджет. Таким образом, по мысли Юнге, Большой террор имеет смысл рассматривать не как отдельный, принципиально новый этап совет-

ской внутренней политики, а как результат интенсификации и нормализации репрессий, проводившихся с 1920-х годов. Линн Виола в своем комментарии к докладу Юнге отметила, что такой подход не позволяет объяснить, почему массовый террор был развязан (и свернут) в конкретный момент, и изучение этих событий требует большего внимания к историческому контексту. Однако Юнге настоял на том, что именно этот общий контекст до сих пор преимущественно находился в фокусе интереса исследователей и имеет смысл сосредоточиться также на истории отдельных институций.

Вопрос соотношения сил между различными органами исполнительной власти рассматривался в докладе *Игоря Кашу* (Молдавский государственный университет) «*Взаимодействие партийно-государственных институтов с политической и гражданской полицией в Советской Молдавии позднесталинского периода, 1944–1953*». Исследователь показал на конкретных примерах, что этот баланс в каждом отдельном случае определялся личными связями с Москвой. Так, в прибалтийских республиках, в частности в Литве, послевоенного периода перевес, благодаря непосредственным контактам со Сталиным, имело партийное руководство. В Молдавии же позиции партийной и государственной элиты были намного слабее, тогда как службы безопасности имели мощные рычаги воздействия в виде компромата на членов местного ЦК. К примеру, в 1949 году в Москву было отправлено анонимное письмо, сообщавшее, что первый секретарь ЦК КП(б) Молдавии Николай Коваль незаконным образом получил дачу, злоупотребив служебным положением. Среди других «недочетов в работе» Ковалья, позволявших оказывать на него давление и, в конце концов, сместить с должности год спустя, были дальние родственники-коллорационисты и «попустительство» развитию румынского национализма в Молдавии. Эффективность подобных обвинений в качестве инструментов шантажа обуславливалась тем, что они не были совершенно голословными, а опирались на информацию, полученную службами безопасности благодаря разветвленной сети агентов.

Работе информаторов в советских органах безопасности был посвящен доклад *Фила Киффера* (Джорджтаунский университет, США) «*Репрессии по доверенности: массовая агентурно-осведомительная сеть МГБ и ее коллапс*». Исследователь отметил, что, в отличие от агентуры Штази, после открытия архивов оказавшейся в центре горячих общественных дискуссий, советские сексоты были незаслуженно обойдены вниманием историков. Как показал в своем докладе Киффер, использование массовой сети осведомителей в послевоенной Украине призвано было компенсировать нехватку штатных сотрудников МГБ при большом количестве нераскрытых дел. Фактически речь шла о своего рода системе «субподрядов»: полномочия оперативника отчасти передоверялись агенту или резиденту, который, в свою очередь, должен был контролировать сеть секретных осведомителей. В отличие от последних, чьи функции обычно сводились к сбору информации, агенты имели доступ к материалам уголовных дел, которые они зачастую вели вместо следователя. При этом сами агенты, как правило, были «неблагонадежными» или даже криминальными элементами, завербованными посредством шантажа. В контексте политических репрессий это поднимает для исследователя вопрос о возможном превращении жертв системы в палачей.

С позиций сотрудников и руководства правоохранительных органов такая трансформация, вероятно, должна была служить показателем эффективности данной модели, однако проблему составлял доступ к засекреченной информации, который получали политически неблагонадежные лица, и их осведомленность о работе служб безопасности. Численное соотношение оперативников и осведомителей делало систематический контроль за действиями последних невозможным, и де-

легиrowание полномочий агентам и резидентам скорее лишь осложняло ситуацию. В результате информаторы были предоставлены сами себе и чаще всего просто ничего не делали, а собранные ими сведения оказывались по большей части бесполезными. И даже «успехи» в работе агентурно-осведомительной сети, о которых областное начальство с гордостью рапортовало в Киев, порой носили причудливый, квазианекдотический характер. Так, агент, внедренный в тайное спиритическое общество, доложил, что вызванные на сеансе духи выступали с антисоветскими заявлениями, в том числе предсказывая скорое вторжение в Украину американских войск. На суде по этому делу обвиняемые свидетельствовали, что вызванные духи лишь по несчастливой случайности оказались антисоветчиками, в этом не было ничего злого умысла, — однако духи ушли от ответственности, а спириты получили от десяти до двадцати пяти лет лагерей.

Черный юмор и горькая ирония присутствовали также в материале, представленном в рамках последнего вебинара конференции, «Операции за границей и иностранная разведка» (комментатор — Грегори Афиногенов (Джорджтаунский университет, США)). Открывавший эту секцию доклад *Молли Пуччи* (Тринити-колледж, Ирландия) «*Советы за границей: разведка, государственное строительство и органы безопасности в Восточной Европе, 1948—1953*» мог бы служить прекрасной иллюстрацией к старой шутке о том, что общего между Советским Союзом и Купидоном (ответ: оба голые, вооружены до зубов и ко всем пристают со своей любовью). В выступлении заведомо тщетная, как известно, попытка быть милым насильно рассматривалась на примере деятельности советских инструкторов в социалистической Польше и Чехословакии послевоенного периода. Исследовательница представила небольшой фрагмент своего масштабного исследования, которое в тот момент как раз готовилось к публикации в издательстве Йельского университета под заглавием «Империя безопасности: тайная полиция в коммунистической Восточной Европе».

В этой книге Пуччи стремится показать, как происходил перенос (и неизбежная при этом трансформация) советской модели государственной безопасности в страны «народной демократии», прежде всего в Польшу, Чехословакию и Восточную Германию. В отличие от представителей так называемой тоталитарной школы, рассматривающих этот процесс в ключе насилия и принуждения, осуществляемого СССР по отношению к странам-сателлитам, и от локальных традиций реформистского правосудия, в центре внимания которых были местные исполнители и их индивидуальная ответственность, Пуччи фокусируется на взаимодействиях, как правило, включающих даже не две, а множество сторон (представители разных поколений и классов, начальство и подчиненные, партийные функционеры и сотрудники органов безопасности и т.д.).

Эта многослойная, нюансированная картина отчасти была воссоздана в докладе, основную идею которого тем не менее можно с легкостью изложить в нескольких предложениях. Февральский переворот 1948 года, приведший к власти в Чехословакии коммунистическую партию, по мнению советских агентов в регионе, был недостаточно радикальным: на многих ключевых позициях, в том числе в армии и службах безопасности, остались «реакционеры». Сходная ситуация наблюдалась в Польше, где, несмотря на победу левых на парламентских выборах в январе 1947 года, советские уполномоченные ощущали недоверие и враждебность. «Решением» этой реальной или воображаемой проблемы стало развязывание внутрипартийного террора, что, в свою очередь, лишь усилило отчуждение по отношению к СССР.

Стратегии и тактики борьбы с «внутренними врагами» в другом национальном контексте подробно рассматривались в докладе *Корины Снитар* (Университет

Глазго, Великобритания) «*Советская разведка и румынская Секуритате: методы наблюдения, допросы, подготовка показательных процессов и “перевоспитание” в тюрьмах и трудовых лагерях*». Докладчица отметила гибкость и двусмысленность многих положений Уголовного кодекса Румынской Народной Республики, которые силовые структуры трактовали по своему усмотрению, «в соответствии с задачами партии». Допросы имели целью получить показания, которые бы подтверждали обвинение, значившееся в ордере на арест; протоколы допросов могли редактироваться и дополняться сфабрикованными доказательствами вины. Свидетели, выступавшие на постановочных процессах, должны были предварительно заучить текст своей речи при «содействии» сотрудников Секуритате, а судьи, по какой-либо причине отклонявшиеся от намеченного сценария и выносившие слишком мягкий приговор, сами впоследствии оказывались на скамье подсудимых.

Несмотря на экстремальный характер подобных мер «безопасности», существуют многообразные указания на то, что работа Секуритате была не слишком эффективной. Подобные свидетельства, примеры которых Снитар привела в заключение доклада, можно найти в высказываниях и руководства страны, и их политических противников, и рядовых граждан. Так, Александру Дрэгич, занимавший пост министра государственной безопасности, а затем министра внутренних дел Румынии, в 1957 году сетовал на некомпетентность и «политическую незрелость» кадров Секуритате. С другой стороны, участники румынского антикоммунистического сопротивления могли ощущать свое моральное превосходство над «убежденными коммунистами», демонстрировавшими в борьбе с врагами полную беспринципность — что отнюдь не способствовало «перевоспитанию» идеологических оппонентов.

Вопрос эффективности в отношении работы спецслужб поднимался также в докладе Эрика Скотта (Канзасский университет, США) «*Побережье Черного моря как ландшафт разведывательности эпохи холодной войны*». Пример этого региона, по мысли докладчика, позволяет скорректировать представления о «железном занавесе» как о непроницаемом барьере, отделяющем страны соцблока от всех остальных. Контроль приграничных территорий в данном случае существенно усложнялся из-за международной торговли и туристических потоков, создававших удобное прикрытие для антисоветской деятельности, от шпионажа до побега за границу. Архивы КГБ, с которыми работал Скотт, создают образ пространства под надзором, однако этот дискурсивный ландшафт пронизан не уверенностью в надежной защите границ, а нарастающей подозрительностью. Необходимость повышенной бдительности, постоянно подчеркивавшаяся в распоряжениях свыше, в позднесоветский период вылилась в настоящую паранойю, на фоне которой не только расцвели пышным цветом всевозможные теории заговора, но даже полеты НЛО оказались задокументированы в официальных рапортах пограничных служб.

Заключительный доклад секции, как и выступление Скотта, по удачной формулировке комментатора, обращался к «метафорическому пространству». В презентации, озаглавленной «*Активные мероприятия КГБ и подавление советских Хельсинкских групп, 1977–1978*», Дуглас Селвидж (Берлинский университет Гумбольдта, Германия) представил материалы кампании по дискредитации диссидентов, организованной спецслужбами в прессе, в первую очередь — в «Литературной газете». Наряду с появлявшимися в периодической печати заметками и открытыми письмами, обличавшими «лжецов и фарисеев», ключевым источником исследования послужил «Сборник статей об агентурно-оперативной и следственной работе Комитета государственной безопасности СССР» за 1981 и 1984 годы, где были опубликованы отчеты об операциях «Клин» и «Коллеги». Первая, развер-

нувшаяся в 1976—1977 годах, имела целью компрометацию американских журналистов, работавших в СССР будто бы по заданию ЦРУ, а заодно диссидентов, предположительно поставлявших им информацию. Вторая была направлена конкретно против Анатолия Щаранского, который также обвинялся в сотрудничестве с ЦРУ на основании свидетельства его «подельника» Александра Липавского, открытое письмо которого было опубликовано в «Известиях» 4 марта 1977 года.

В отличие от других докладов секции, акцентировавших внутренние противоречия системы, выступление Селвиджа рисовало картину почти неограниченной власти советских спецслужб, успешно державших диссидентов «под колпаком». Однако остался открытым вопрос, который сформулировал в своем комментарии Грегори Афиногенов: насколько буквально читатели советской прессы воспринимали публиковавшиеся там обличительные заявления? Предложенный многими участниками конференции микроисторический и биографический анализ спецслужб СССР и стран соцблока крайне важен для понимания внутренней механики репрессий, которые, как выясняется в этом приближении, носили во многом спонтанный и хаотичный характер. Как представляется, следующим шагом могло бы стать столь же подробное изучение жизненного мира обывателей — не палачей и не жертв системы, которые тем не менее были ее неотъемлемой частью.

*Ксения Гусарова, Надежда Крылова*